

Обзорная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-326-341>

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ»: ОБЗОР ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ
(ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ), 18 ЯНВАРЯ 2024 г.).
ЧАСТЬ 2**

Алексей Павлович Альбов¹

Инна Сергеевна Барзилова²

Иван Владимирович Дворянсков³

Татьяна Владимировна Милушева⁴

Владислав Юрьевич Панченко⁵

Ольга Валентиновна Романовская⁶

Ольга Ивановна Цыбулевская⁷

Елена Николаевна Чекушкина⁸

^{1,5} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская д. 2, корп. 1

¹ Российская таможенная академия, 140015, Россия, г. Люберцы, Комсомольский проспект, д. 4

² Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1

³ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15А, стр. 1

^{4,7} Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

⁵ Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

⁶ Пензенский государственный университет, 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

⁸ Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

¹ aap62@yandex.ru

² isbarzilova@msal.ru

³ diw@yandex.ru

⁴ mtv62@mail.ru

⁵ panchenkovlad@mail.ru

⁶ pgu-gpd@yandex.ru

⁷ olga77.54@mail.ru

⁸ elenachekushkina@yandex.ru

Аннотация

18 января 2024 г. во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) состоялся Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы». В пленарном заседании выступили ведущие российские ученые-юристы, которые сформулировали выводы о юридическом конфликте как феномене правовой реальности, конвергенции частного и публичного права как основополагающем факторе, взаимосвязи коллизий в праве и правоприменении и конфликтов в правовой сфере, семиотических проблемах уголовного закона, участия государства как особенности юридического конфликта, праве и пациентском экстремизме, репродуктивных технологиях и юридических конфликтах в современной биомедицине, балансе интересов как способе преодоления юридического конфликта, социальной рефлексии как способе разрешения конфликтов.

Ключевые слова: юридическая конфликтология; юридический конфликт; частное право; публичное право; правовая коллизия; семиотика; семантика; язык уголовного закона; пациентский экстремизм; репродуктивные права; биомедицина; баланс интересов; социальная рефлексия.

Для цитирования: Альбов А. П., Барзилова И. С., Дворянсков И. В., Милушева Т. В., Панченко В. Ю., Романовская О. В., Цыбулевская О. И., Чекушкина Е. Н. Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы»: обзор пленарного заседания (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 18 января 2024 г.). Часть 2 // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 326–341. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-326-341>

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL ROUND TABLE “LEGAL CONFLICTOLOGY: PROBLEMS AND PROSPECTS”: REVIEW OF THE PLENARY SESSION (ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE, 18 JANUARY 2024). PART 2

Alexey P. Albov¹

Inna S. Barzilova²

Ivan V. Dvoryanskov³

Tatyana V. Milusheva⁴

Vladislav Yu. Panchenko⁵

Olga V. Romanovskaya⁶

Olga I. Tsybulevskaya⁷

Elena N. Chekushkina⁸

^{1,5} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

¹ Russian Customs Academy, 4 Komsomolskii Ave., Liubertsy, 140015, Russia

² Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 Sadovaia-Kudrinskaia St., Moscow, 125993, Russia

³ Research Institute of the Federal Penitentiary Service, 15A, Bldg. 1 Narvskaya St., Moscow, 125130, Russia

^{4,7} Volga Region Institute of Management named after P. A. Stolypin – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 164 Moskovskaya St., Saratov, 410012, Russia

⁵ Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

⁶ Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russia

⁸ Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

¹ aap62@yandex.ru

² isbarzilova@msal.ru

³ diw@yandex.ru

⁴ mtv62@mail.ru

⁵ panchenkovlad@mail.ru

⁶ pgu-gpd@yandex.ru

⁷ olga77.54@mail.ru

⁸ elenachekushkina@yandex.ru

Abstract

On January 18, 2024, the All-Russian scientific and practical round table “Legal Conflictology: Problems and Prospects” was held at All-Russian State University of Justice. Leading Russian legal scholars spoke at the plenary session and formulated conclusions about legal conflict as a phenomenon of legal reality, the convergence of private and public law as a fundamental factor, the relationship between conflicts in law and law enforcement and conflicts in the legal sphere, semiotic problems of criminal law, state participation as features of legal conflict, law and patient extremism, reproductive technologies and legal conflicts in modern biomedicine, balance of interests as a way to overcome legal conflict, social reflection as a way to resolve conflicts.

Keywords: legal conflictology; legal conflict; private law; public law; legal conflict; semiotics; semantics; language of criminal law; patient extremism; reproductive rights; biomedicine; balance of interests; social reflection.

For citation: Albov A. P., Barzilova I. S., Dvoryanskov I. V., Milusheva T. V., Panchenko V. Yu., Romanovskaya O. V., Tsybulevskaya O. I., Chekushkina E. N. All-Russian Scientific and Practical Round Table “Legal Conflictology: Problems and Prospects”: Review of the Plenary Session (All-Russian State University of Justice, 18 January 2024). Part 2. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 4, pp. 326–341. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-326-341>

Продолжая пленарное заседание Всероссийского научно-практического круглого стола «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы», **А. П. Альбов** в выступлении на тему «Теоретические основы конфликтологии: частноправовые и публично-правовые аспекты» отметил, что теория конфликта представляет собой широкий спектр концепций, описывающих различные аспекты и динамику столкновений интересов в общественной жизни. Различные концепции конфликта посвящены анализу условий возникновения, развития и урегулирования конфликтных ситуаций, а также факторов, эскалирующих конфликт или способствующих снижению напряженности. Конфликт является видом социального взаимодействия, но которое отличается наличием ситуации соперничества, «прямым и осознанным столкновением его участников» [1, с. 143].

Конфликтология, являясь междисциплинарной областью, синтезирует знания из различных наук – психологии, социологии, антропологии, политологии и др., для формирования эффективных методов анализа и разрешения конфликтов. Применение этих методов помогает достичь взаимопонимания между участниками конфликта, способствует согласованию их интересов. Философской основой современной конфликтологии являются разнообразные теоретические концепции, разработанные в античной и новоевропейской философии. Они посвящены анализу онтологии конфликта и его социально-исторической роли.

Философия Гераклита представляет собой одну из первых попыток осмысления природы конфликта как «двигателя» мировой истории. Согласно Гераклиту веч-

ное становление и борьба противоположностей являются основой всего сущего, война выступает «отцом всего». Противоречия не только неизбежны, но и необходимы для жизни, поскольку они способствуют изменению и развитию как общества, так и мироздания. Философия конфликта Гераклита предполагает, что из борьбы противоположностей возникает гармония, и что конфликт сам по себе является способом достижения баланса в мире. В контексте философии Платона принципиально важной для понимания его взглядов на природу конфликта становится идея об идеальном государстве. Его философия идеального государства предполагает деление общества на разные классы, каждый из которых имеет свои специфические обязанности, что способствует идеальному общественному порядку. Классы в идеальном государстве, как представлял Платон, функционируют в строгой иерархии: правители-философы на вершине, защитники или воины, оберегающие государство как среднее звено, и класс, включающий в себя крестьян и ремесленников, на нижней ступени.

Древнейшие представления о природе конфликта получают свое развитие в новоевропейской философии. Согласно философскому учению Т. Гоббса естественное состояние человечества – это «война всех против всех». От этого состояния зависят «необузданные конфликты частных интересов и порождаемая ими смута социальной анархии» [2, с. 17].

Люди, движимые инстинктом самосохранения и достижения собственного блага, неизбежно становятся врагами друг для друга, поскольку ресурсы ограничены, а желания неумены. Гоббс известен своим выражением «человек человеку – волк» (*homo homini lupus*), которое подчеркивает враждебность и конкуренцию, характерную для первобытного состояния человечества. В своем труде под названием «Левиафан» Гоббс развивает идею, что для этой вражды необходим союз всех людей, заключаемый для создания государства. Этот союз, представленный в образе «Левиафана» – всемогущего библейского морского чудовища, становится гарантом социального порядка и мира.

Диалектический подход к пониманию природы конфликта получает свое завершенное оформление в философии Г. Гегеля, который рассматривает конфликт как противоречие. Г. Гегель изложил свою стройную систему философии, в рамках которой развитие мироздания осуществляется через конфликты и противоречия, описав его формулой «тезис – антитезис – синтез» (тезис противостоит антитезису, что приводит к синтезу). Каждый этап развития содержит в себе противоречия, которые стимулируют последующее развитие исторической реальности. Единство и борьба противоположностей, согласно Г. Гегелю, не являются хаотичным или случайным процессом, а направленным и целенаправленным движением к высшему порядку – реализации Абсолютного Духа.

Философия Нового времени способствовала возникновению конфликтологии как социальной науки. Предмет конфликтологии охватывает широкий спектр вопросов, связанных с конфликтами различной природы: от личностных и межличностных конфликтов до крупномасштабных социальных, политических и международных конфликтов. Эта наука изучает причины возникновения конфликтов, механизмы их развития и эскалации, а также системы и средства для их предотвра-

щения и разрешения. Применение конфликтологического знания в юриспруденции обеспечивает правоведение надлежащим пониманием природы конфликтов в юридической сфере. Развитие правового знания невозможно без осмысления правовых конфликтов как формы взаимодействия участников общественных отношений. Юридическая конфликтология изучает способы разрешения правовых конфликтов, а также прогнозирование конфликтных ситуаций. Правовой конфликт рассматривается как стадия «развития правоотношения, на которой правоотношение перестает быть саморегулируемым» [3, с. 11]. Возникновение конфликтов часто связано с противоречием между публичными интересами и частными правами или между различными публичными интересами – «не могут быть урегулированы дела, в которых отсутствует спор о праве» [4, с. 64].

Перспективы дальнейшего исследования вопросов юридической конфликтологии связаны с анализом эффективности существующих средств и методов разрешения правовых конфликтов. Общепризнанным фактором развития правовой системы является последовательная конвергенция частного и публичного права, что приводит к взаимному обогащению механизмов частноправового и публично-правового регулирования. В результате формируется единый механизм разрешения правовых конфликтов, представляющий общий набор правовых средств для разрешения как частноправовых, так и публично-правовых конфликтов. Преодоление указанных трудностей, а также разработка общей теории разрешения правовых конфликтов составляет перспективное направление для исследований в области юридической конфликтологии.

И. С. Барзилова обратилась к проблеме «Диалектика взаимосвязи коллизий в праве и правоприменении и юридических конфликтов». Она отметила, что юридический конфликт можно отнести к разновидностям социальных конфликтов, поэтому при анализе его участников, объектов, мотивации необходимо учитывать как социально-экономические, политические и иные факторы, так и факторы сугубо юридические. Возникновение конфликтов именно в юридической среде нельзя, думается, связывать с действиями исключительно правовых обстоятельств, так как глубинные причины конфликта могут находиться вне правовой сферы, например в экономике или политике, а разрешаться конфликт может в сфере именно правовой.

Когда мы рассматриваем конфликт как порождение существующих коллизий в праве, то должны обращать внимание на то, что противоречие (разногласие) возникло между правилами поведения, в большинстве случаев объемом субъективных прав и юридических обязанностей и нормативно установленным порядком их реализации определенными субъектами. Иными словами, конфликт возник при выполнении правом своей регулятивной статической функции. Здесь процедуры разрешения юридических конфликтов в большей или меньшей степени определены в рамках общей теории права, например, способы разрешения иерархических коллизий, коллизий между общими и специальными нормами, официальное толкование и т.д.

На уровне применения права юридические конфликты уже связаны с реализацией права, право выполняет свою регулятивную динамическую функцию, например, коллизии между полномочиями государственных органов. Субъекты выполняют законодательно установленные юридические обязанности, используют свои

субъективные права с применением нормативно закрепленных процедур. Первоначально конфликт может и не проявляться, т.е. он носит скрытый (латентный) характер или возникать в строго очерченных сферах правового регулирования. И здесь возникают проблемы, причины которых находятся в неточном закреплении полномочий или порядка реализации субъективных прав и юридических обязанностей в законодательстве. Необходимо вносить изменения в действующее законодательство и разрешать юридические конфликты, возникшие в рамках правовых отношений, регулируемых с помощью норм, содержащих противоречия.

Необходимо отметить, что юридический конфликт можно рассматривать как крайнее проявление существующих в праве и правоприменении противоречий, когда согласие не достигнуто, недостаточно использованы превентивные примирительные процедуры, отсутствует ясность по поводу реализации юридических норм, нет необходимых официальных актов толкования права; возникают новые общественные отношения, а право не успевает их урегулировать; определенные социальные силы резко отстаивают свои интересы с помощью права и т.д.

Поэтому крайне важным представляется изучение причин возникновения юридических конфликтов, роли различного рода коллизий в этом процессе, что обязательно должно учитываться учеными-теоретиками при определении тематик своих научных исследований.

И. В. Дворянсков посвятил свое выступление проблемам семиотики уголовного закона. В последнее время наблюдается тенденция рассмотрения уголовного закона исключительно как инструмента для решения насущных (с позиции законодателя) социальных проблем. Такой подход основан на довольно простой схеме: наличие триггерного явления – придание ему криминальной окраски – криминализация этого явления. Следствием этого является очевидное уже не только для специалистов, но и простых обывателей чрезмерное раздувание объема уголовного закона [5, с. 84; 6, с. 76]. Очевидно такое количество изменений, к тому же принимаемых ситуативно, с высокой скоростью не способствует сохранению качества уголовно-правового регулирования. Более того, чрезмерно интенсивное введение новых составов преступлений увеличивает энтропию, которая в свою очередь ведет к деструкции уголовного закона.

Следует говорить не только о тексте, но и шире – о семиотике, имея в виду цифровую и знаковую составляющие. Изложение уголовно-правового материала осуществляется с помощью целого комплекса семиотических (знаковых) средств. Само по себе можно оценить позитивно, поскольку чем богаче язык, тем точнее может быть описано явление. А точность изложения, безусловно, является залогом эффективности применения закона. Однако анализ сложной семиотики уголовного закона приводит к возникновению ряда неочевидных на первый взгляд вопросов.

Во-первых, почему вообще в УК РФ сочетаются арабские и римские цифры, причем последние выше по иерархии, ибо обозначают наиболее крупные структурные элементы – разделы? Такая же смешанная нумерация наблюдается и в других кодексах, в частности в ГК РФ или КоАП РФ. Очевидно, что на протяжении истории законодатель хоть и не всегда, но периодически прибегал к римской нумерации как в сочетании с арабской, так и безальтернативно. Нельзя дать однозначного от-

вета о причинах этого. Однако римская нумерация в сочетании с арабской всегда использовалась для обозначения структурных элементов закона высшего порядка. Последняя же носила подчиненный характер. Это в свою очередь может косвенно свидетельствовать о европейских корнях и традициях российского законодательства, рецепции *ius romanum* как протоосновы современного права.

Еще одной проблемой является оппозиция изначальной нумерации в действующем уголовном законе и цифровых обозначений вносимых изменений. Сплошная (сквозная) нумерация структурных элементов УК РФ символизирует его стабильность, незыблемость, говорит о провидческой мудрости закона, который будучи принят однажды, устремляется в будущее, фиксируя преступность и наказуемость на протяжении существенного отрезка времени.

Автор утверждает, что юридическая техника негласно подчиняется *принципу красоты*, который предполагает стремление к совершенству формы и содержания правового текста.

Что же касается вопроса индексов однономерных статей, то о нем в научной литературе практически ничего не говорилось. Речь идет о проблеме цифрового обозначения статей, включаемых в качестве дополнения в УК РФ с одним и тем же номером (пример, ст. 159–159.6 УК РФ).

Утверждается, что язык уголовного закона, чтобы быть понятным и доступным для правоприменителя, должен соответствовать определенным правилам, в частности, оперировать единообразными унифицированными средствами выражения. Нумерация статей играет существенную роль в квалификации преступлений и применении уголовно-правовых норм. Залогом эффективности этих процессов является в том числе и правильное обозначение этих норм, как в письменной, так и в устной речи. Следует сказать, что зачастую в профессиональной среде специалистов в области уголовного права встречаются ошибки индексировемых дополнений однономерных статей УК РФ. Их можно свести к следующим: индекс называется «значком»; латинское числительное «*prim*» («первый»), используется для обозначения дополнительно введенных однономерных статей. Между тем термином «значок» или «знак» обозначаются графические символы. Числовые (или буквенные) показатели, располагающиеся, как правило, справа и сверху от основной цифры (пример – ст. 159¹ УК РФ), обозначаются термином «индекс».

В научных публикациях и выступлениях, а нередко – и в профессиональном общении ошибочно используется латинское числительное «*prim*». Так, можно встретить такое речевое обозначение дополнительно введенных однономерных статей как «статья такая-то прим один, прим два» и т.д. Следует обратиться к значению данного слова, которое означает – первый. Соответственно, термин «прим» может обозначать только статью с индексом один. При этом не нужно, как часто бывает, добавлять к латинскому также и русское числительное (например, «статья такая-то прим один»). Это не придает силы или ясности высказыванию, а делает его просто неграмотным. Кроме того, необходимость создания машиночитаемого текста закона, а также допустимая в перспективе возможность распознавания устной речи в судопроизводстве с помощью искусственного интеллекта обуславливает необходимость грамотного и единообразного воспроизведения текста уголовного (и

не только) закона. Таким образом, исследование отражения текста уголовного закона, как в официальных источниках, так в коммуникации, прежде всего, профессиональной, выявляет целый спектр проблем, от решения которых, очевидно, зависит эффективность его применения.

Продолжил дискуссию **В. Ю. Панченко**, который отметил, что в юридической литературе высказана позиция о том, что «в специальном термине, обозначающем подобного рода юридический конфликт, нет никакой необходимости. Право вообще регулирует общественные отношения в конфликтном состоянии, ибо в бесконфликтном состоянии они не нуждаются в особом регулировании со стороны государства, они протекают сами по себе», «юридического конфликта как особого вида социального конфликта, протекающего в правовой сфере, не существует. <...> О конфликте можно вести речь исключительно в социологическом понимании», «как не существует в реальности и некоего особого правового пространства, правовой сферы» [7, с. 163–165]. Такие суждения отрицают устоявшиеся в науке представления о членении типов реальности, их иерархии – в таком случае нет смысла говорить о политической, экономической, религиозной, морально-этической, духовной, виртуальной и т.п. сферах жизни человека и общества, однако четко ориентируют нас на тот факт, что причины юридических конфликтов лежат в вне правовой жизни – изначально возникнув в сфере экономических, межличностных и т.д. отношений, на определенном этапе существования они «входят» в правовую форму, развиваются по присущим правовой жизни закономерностям, затем ее покидают либо вновь возвращаются в правовую плоскость и т.д. во множестве вариантов. Особенностью, которая придает юридическому конфликту собственно правовой характер, является участие в них государства, его органов. Юридический конфликт представляет собой всегда публичное социальное взаимодействие, связанное с реальным либо с потенциально возможным участием органов публичной власти (так, хозяйствующие субъекты оформляют договоры с соблюдением предусмотренных правом требований рассчитывая, что в случае споров государство обеспечит их исполнение) и в этом плане к правовым конфликтам вполне применимо ленинское выражение: «для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное».

О. В. Романовская посвятила свое выступление юридическим мерам противодействия пациентскому экстремизму, плотно вошедшему в медицинскую сферу. С одной стороны, объяснимо, что граждане страны предъявляют претензии к качеству оказания медицинской помощи. Но, с другой стороны, не всегда эти претензии носят обоснованный характер. Нередки случаи, когда жалобы строятся лишь по принципу нанести урон деловой репутации медицинской организации, чести и достоинству конкретного медицинского работника. Зачастую подача претензии основана на единственном желании либо вернуть денежные средства, потраченные на медицинское обслуживание, либо еще и оказаться в прибыли – заработать нетрадиционным способом на собственном здоровье. Именно такое агрессивное поведение пациентов (не обусловленное дефектами качества оказанной медицинской услуги) и получило общее название – «пациентский экстремизм».

Одной из основных причин такого явления выступает понимание медицинской помощи как разновидности медицинской услуги, что находит свое прямое подтверждение в Гражданском кодексе РФ (ст. 779) и в Федеральном законе

от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 2). Следствием этого также выступает распространение на здравоохранительные правоотношения Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». По общему правилу пациент приобретает статус потребителя, а значит, все права и гарантии, которые ему предоставлены указанным законом (а также общее представление о взаимодействии с врачом сквозь призму принципа – потребитель-пациент всегда прав).

Справедливости ради необходимо отметить, что аналогичные проблемы присутствуют и за рубежом. В США разбирательства по искам, связанным с медицинскими ошибками, обходятся в 55,6 млрд долл. в год. Большая часть сумм тратится на примирительные процедуры, экспертизу, дополнительное обследование [8]. В США имеется даже такое понятие как «перестраховочная медицина», когда врач назначает дополнительные обследования или лечение, не исходя из состояния здоровья пациента, а «на всякий случай» – во избежание возможных юридических претензий [9]. Осознавая себя лишь как обладателем значительного объема прав, не представляя личную ответственность за собственное здоровье, гражданин ожидает чуда от медицинских работников, волшебства от таблетки или операции. Когда происходит неисполнение завышенных ожиданий, то виновными оказываются, прежде всего, врач и медицинская организация.

Какие формы может приобретать пациентский экстремизм и как им противостоять? В трудовых отношениях появился новый термин – моббинг – психологическая травля в трудовом коллективе. В данном случае можно говорить и о пациентском моббинге по отношению к медицинским работникам. Виды такого давления заключаются в следующем:

1) придирки. Пациент, изначально нацеленный на конфликт, к тому же если он получил юридические инструкции, будет пытаться создать определенное информационное поле вокруг оказания ему медицинской услуги. Это будет заключаться в подаче мелких жалоб по любому удобному случаю. Каждое обращение должно быть оперативно разобрано, по нему должен быть дан ответ. Нельзя делать видимость, что ничего не происходит, поскольку это дальше может привести к серьезным искам, когда пациент будет указывать не столько на дефекты в медицинском обслуживании, а на то, что на него никто не реагировал. Отсутствие ответа потребителю услуги также является нарушением законодательства. Наибольшие сложности возникают с видеофиксацией процесса оказания медицинской услуги самим пациентом. В большинстве медицинских организаций утвержден запрет на видеосъемку, что связано с обеспечением врачебной тайны. Однако пациент, фиксируя свое взаимодействие с медицинским работником, не посягает на неприкосновенность собственности частной жизни. С другой стороны, внедряется видеофиксация со стороны медицинской организации. При этом пациент зачастую не предупреждается, что выступает объектом съемки. Требования безопасности вступают в конфликт с границами частной жизни, что выступает серьезной методологической проблемой, поскольку затрагивает баланс конституционных ценностей;

2) бойкот. У пациента может быть собственное представление о ходе лечения. В случае несогласия с медицинским работником пациент может либо устраивать «тихую забастовку», делая видимость согласия с назначенными процедурами, но

искренне их саботируя. Возможен прямой отказ: от приема как к лечащему врачу, так и к специалисту, к которому направил лечащий врач; от сдачи анализов; от прохождения дополнительной диагностики.

Основой конфликта выступает сама возможность пациента определять ход лечения, его методику, что обусловлено концепцией его автономии. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривает обязанности пациента (ст. 27), но их содержание носит отчасти формальный характер, не предполагая меры ответственности за их нарушение. В отличие от пациента оказание медицинской помощи – обязанность медицинского работника, реализация которой должно происходить даже в отсутствие терапевтического сотрудничества. При этом, как отмечает Г. Б. Романовский [10, с. 19], необходимо проводить грань между обязанностью медицинского работника и обязанностью лечащего врача;

3) дезинформация. Пациент в силу каких-то причин может не сообщать все данные о своем здоровье, представить «параллельную» медицинскую карточку, в которой отражены не все заболевания и не все результаты ранее проведенных исследований. Участились случаи подделки тех или иных документов, которые предваряют, например, направление на госпитализацию;

4) доноительство. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» предусматривает широкие возможности по организации государственных проверок по инициативе граждан. При этом отсутствует ответственность за представление в государственные органы сведений, не соответствующих действительности. Следует учитывать, что жалобы могут касаться не только самой медицинской услуги, но и качества сопутствующих услуг, не являющихся в полном смысле слова медицинскими. Так, потребитель может ссылаться на плохие бытовые условия, некачественное питание.

При создании системы противодействия пациентскому экстремизму, необходимо учитывать, что, при травле медицинской организации, медицинского работника происходит изъятие времени, ресурсов и сил, которые могли быть потрачены на тех граждан, которые нуждаются в оказании квалифицированной медицинской помощи. Защищенный врач – это такая же ценность, как и защищенный пациент.

О. И. Цыбулевская и Т. В. Милушева посвятили свое совместное выступление проблеме баланса интересов личности, общества, государства с целью преодоления конфликта интересов. Было отмечено, что социальные противоречия в современной России имеют глубокие корни, они выражены в конфликте личных и общественных интересов, системе организации власти, законодательстве, морали и т.п.

В отечественной гуманитарной науке выработано понятие «конфликт интересов», который имеет множество трактовок. Представляется возможным выделить две основные точки зрения: в широком смысле конфликт интересов понимается как противоречия, например, в военной, социальной и т.п. сферах. В «узком», специально-юридическом смысле речь идет, например, о конфликте интересов в системе государственной гражданской службы. Где бы ни возникал конфликт интересов, какого бы свойства ни была коллизия – морального, правового или иного характера, имеет место противоречие между интересами: личными, государственными и личными, общественными и государственными и т.д.

Теоретические и практические вопросы баланса интересов находится в фокусе современных юридических исследований: уточняется содержание понятий публичного, общественного, частного, государственного интересов, баланса интересов; вырабатываются критерии такого баланса.

Раскрывая взаимодействие личного и общественного интереса, подчеркнем: диалектика их отношений проявляется в том, что каждый человек преследует свой личный интерес, реализует свои собственные возможности для удовлетворения личных потребностей, но при этом каждый включен в общую систему социальных отношений, которая основана на интересах и личности, и общества, и государства. В таком, казалось бы противоречивом взаимодействии и осуществляется интеграция общественного и личного; общественные потребности и интересы становятся личным делом каждого. Таким образом, личные интересы субъектов, включенных в систему общественных отношений под влиянием внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов постепенно трансформируются в публичные (общественные и государственные). В условиях демократии соотношение интересов личности, общества и государства основано на принципах свободы и взаимной ответственности, а функцией демократии является удовлетворение потребностей всех включенных в нее субъектов [11, с. 37].

Следует в то же время оговориться, что публичный интерес нельзя понимать сугубо как интерес государства, отделенный от интересов граждан, корпораций и общества. Публичный интерес есть общесоциальный интерес, отражающий в концентрированной форме весь спектр интересов в обществе. В идеале при таком подходе нет места противоречию между личными, групповыми и общественными (публичными) интересами, поскольку они находятся в диалектическом единстве. Необходимо разграничивать интересы государства, общества и отдельных граждан, поскольку они объективно различаются. Однако такое разграничение вовсе не означает, что интересы названных субъектов непременно должны быть противоположными, конфликтующими. Ведь государство функционирует в интересах гражданского общества и отдельной личности, поэтому интересы государства должны отражать интересы общества и отдельных граждан.

Полагаем, что баланс интересов государства, общества и личности представляет собой состояние системы отношений, правовой режим, при котором: наиболее полно удовлетворяются права и законные интересы граждан; развиваются институты гражданского общества; обеспечивается национальная безопасность; имеет место взаимовыгодное сотрудничество субъектов во всех сферах общественной жизни; ограничение прав, свобод и законных интересов субъектов отношений соразмерно поставленным целям достижения социально-полезных результатов и принципам законности и справедливости.

Хотя критерии такого баланса в науке недостаточно разработаны, ими можно считать следующие показатели: бесконфликтная реализация основных прав и свобод граждан; наличие эффективной системы защиты прав граждан; институтов гражданского общества, способных доносить до власти интересы общества, сформированность системы общественного контроля; взаимная ответственность государства, общества и личности, выражающаяся в конкретных взаимоувязанных

нормах юридической ответственности всех субъектов общественных отношений; реализация принципов законности и справедливости.

Баланс публичных и частных интересов не носит абсолютного характера, не представляет полного равенства указанных интересов. Более того, можно предположить, что такое равенство условно, так как отдельный гражданин, отдельная общность людей никогда не могут быть равны государству как властно-политической организации, обладающей к тому же разнообразными средствами и ресурсами принуждения, что ставит государство над обществом [12, с. 86–87]. Учитывая означенное, Конституционный Суд РФ в своих постановлениях использует такую терминологию, как «справедливый баланс интересов», «разумный баланс интересов», «рациональное сочетание публичных и частных интересов», имея в виду то, что полного равенства такого рода интересов не может быть в принципе.

Преодолеть конфликт интересов, негативные «эффекты» социальной анонимии возможно путем диалога государства и общества, уравнивания интересов, формирования понятных всем целей государственно-правового развития; повышения авторитета нравственных и правовых норм, значимости правомерного поведения субъектов в соответствии с официально одобряемыми целями, минимизации «двойных стандартов» в правоприменении.

Е. Н. Чекушкина посвятила свое выступление теме «Социальная рефлексия как способ разрешения конфликтов». Она отметила, что неотъемлемой частью многовековой истории человечества является конфронтация мнений, целей и жизненных установок различных социальных страт – классов, наций, религиозных сообществ и др. В значительной степени это относится и к современному миру, буквально раздираемому противоречиями – как межгосударственными, так и внутри социумов отдельных стран. Конфликты во всем их разнообразии являются непреходящей темой для исследований самых разных отраслей гуманитарного и общественного научного знания – философии, социологии, политологии, психологии, исторических дисциплин.

Возникновение конфликта неразрывно взаимосвязано с состоянием напряженности в обществе. Конфликт начинается не сразу. Причиной его возникновения являются деструктивные отступления от существующих норм. Конфликт формируется в определенной социальной среде, которая как бы создает фон конфликта. В этот фон входят самые разные сегменты жизни социума: СМИ, Интернет, общественное мнение, общественные настроения и страхи, реакция на конфликт со стороны государства и права, разного рода политических сил, организаций и структур и т.д.

Полагаем, что жизнь отдельного человека и общества «вне конфликта» в принципе невозможна, является утопией, и на основании этого тезиса можно сделать заключение о необходимости выработки «цивилизованного» пути их преодоления.

На современном этапе развития общества можно выделить основные направления в исследовании способов разрешения конфликтов: разработка и изучение различных конфликтов; выявление причин и анализ факторов его возникновения; применение компьютерных технологий, моделирования, прогнозирования, цифровой среды; разработка и реализация на практике эффективных и успешных моделей урегулирования конфликтов всех видов.

По нашему мнению, социальная рефлексия является необходимым способом разрешения конфликтов. Она способствует эффективному выходу из конфликтов с ми-

нимальными утратами. Полагаем, что социальная рефлексия обладает огромным потенциалом в культурных, идеологических, мировоззренческих и других конфликтах. Она имеет огромное значение в таких видах конфликта, где имеется недостаток межличностного общения, диалога ценностных и мировоззренческих систем [13, с. 56].

Взаимопонимание, аргументация, консенсус являются важными структурными элементами взаимодействия людей. Социальная рефлексия, осуществляемая в самосознания субъекта, предполагает диалог. Рефлексия предполагает длительное согласование позиций конфликтующих сторон с постепенной выработкой взаимоприемлемого решения. Целью социальной рефлексии является профилактика и предотвращение конфликтов. Она представляет собой важный способ выявления, управления, преодоления, разрешения конфликтов в наиболее оптимальной форме.

Таким образом, социальная рефлексия направлена на понимание, осознание целей и задач общих действий и поступков в конфликтных ситуациях. Она позволяет формировать, развивать, расширять и реализовывать созидательные возможности человеческого сознания; способствует диалогу, сочетанию конструктивности, ориентирована на согласование и учет интересов противоположных сторон. Она является базисным основанием коммуникационных позиций процессов развития, преодоления, управления, разрешения конфликтов, поскольку предполагает осознание себя, своей деятельности, общества и т.д.

Пристатейный библиографический список

1. *Боженко В. А.* Определение понятия «конфликт» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2000. № 2.
2. *Шадрина Е. Н.* «Общественный договор» Томаса Гоббса: историко-философская реконструкция концепции // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 7.
3. *Степин А. Б.* Правовой конфликт в механизмах защиты гражданских прав // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 4.
4. *Михайлова Е. В.* Виды примирительных процедур по российскому законодательству // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1 (37).
5. *Назаренко Г. В., Ситникова А. И.* Качество Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективы его повышения // Актуальные проблемы государственно-правовых преобразований в России: история и современность : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, реформатора и ученого М.М. Сперанского / под ред. Е. Е. Тонкова, В. Ю. Туранина. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022.
6. *Лопашенко Н. А.* Уголовно-правовые скрепы перед глобальными вызовами человечества // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : сб. тр. по матер. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. в рамках III Сарат. юрид. форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (9 июня 2023 г.) / под общ. ред. А. Г. Блинова, Е. В. Кобзевой, Н. С. Мановой. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2023.

7. Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М. : Статут, 2013.
8. Mello M. M., Chandra A., Gawande A. A., Studdert D. M. National Costs of the Medical Liability System // *Health Affairs*. 2010. Vol. 29. No. 9.
9. Horton J. B., Hollier L. H. The Current State of Health Care Reform: The Physicians' Burden // *Aesthet Surg Journal*. 2012. Vol. 32.
10. Романовский Г. Б. Обязанности медицинских работников // *Медицинское право*. 2014. № 4.
11. Магомедов Г. Конфликт интересов в системе государственной гражданской службы: социологический аспект исследования проблемы // *Государственная служба*. 2005. № 6.
12. Морозова Л. А. Баланс публичных и частных интересов как средство достижения компромисса в праве // *Компромисс в праве: теория, практика, техника : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, А. В. Парфенова*. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2014.
13. Чекушкина Е. Н., Родина Е. Н., Митяева Р. А. Роль рефлексии в преодолении социальных конфликтов // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2019. Т. 8. № 5 А.

References

1. Bozhenko V. A. Definition of the Concept of "Conflict". *Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series: Legal Sciences*, 2000, no. 2. (In Russ.)
2. Shadrina E. N. "The Social Contract" of Thomas Hobbes: Historical and Philosophical Reconstruction of the Concept. *Bulletin of Vyatka State University*, 2017, no. 7. (In Russ.)
3. Stepin A. B. Legal Conflict in Mechanisms for the Protection of Civil Rights. *Arbitration and Civil Procedure*, 2021, no. 4. (In Russ.)
4. Mikhailova E. V. Types of Conciliation Procedures Under Russian Legislation. *Prologue: A Magazine About Law*, 2023, no. 1 (37). (In Russ.)
5. Nazarenko G. V., Sitnikova A. I. The Quality of the Criminal Code of the Russian Federation and Prospects for its Improvement. In *Tonkov E. E., Turanin V. Yu. (eds.). Current Problems of State and Legal Reforms in Russia: History and Modernity: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 250th Anniversary of the Birth of the Outstanding Statesman, Reformer and Scientist M.M. Speransky*. Belgorod: National Research University Belgorod State University Publishing House, 2022. (In Russ.)
6. Lopashenko N. A. Criminal Legal Bonds in the Face of Global Challenges of Humanity. In *Blinov A. G., Kobzeva E. V., Manova N. S. (eds.). Modern Global Challenges and Their Neutralization by Criminal Legal, Criminological and Criminal Procedural Means: Collection of Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation Within III Saratov Legal Forum "Legislative Policy and Law Enforcement in Modern Russia"* (June 9, 2023). Saratov: Saratov State Legal Academy Publishing House, 2023. (In Russ.)
7. Filippova S. Yu. Instrumental Approach in the Science of Private Law. Moscow: Statut, 2013. (In Russ.)

8. Mello M. M., Chandra A., Gawande A. A., Studdert D. M. National Costs of the Medical Liability System. *Health Affairs*, 2010, vol. 29, no. 9. (In Russ.)
9. Horton J. B., Hollier L. H. The Current State of Health Care Reform: The Physicians' Burden. *Aesthet Surg Journal*, 2012, vol. 32. (In Russ.)
10. Romanovskii G. B. Responsibilities of Medical Workers. *Medical Law*, 2014, no. 4. (In Russ.)
11. Magomedov G. Conflict of Interests in the System of State Civil Service: Sociological Aspect of the Study of the Problem. *State Service*, 2005, no. 6. (In Russ.)
12. Morozova L. A. Balance of Public and Private Interests as a Means of Achieving Compromise in Law. In Tolstik V. A., Baranov V. M., Parfenov A. V. (eds.). *Compromise in Law: Theory, Practice, Technology*. In 2 vols. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. (In Russ.)
13. Chekushkina E. N., Rodina E. N., Mitiaeva R. A. The Role of Reflection in Overcoming Social Conflicts. *Context and Reflection: Philosophy About the World and Man*, 2019, vol. 8, no. 5 A. (In Russ.)

Сведения об авторах:

- А. П. Альбов – доктор юридических наук, профессор.
И. С. Барзилова – доктор юридических наук.
И. В. Дворянсков – доктор юридических наук, профессор.
Т. В. Милушева – доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ.
В. Ю. Панченко – доктор юридических наук.
О. В. Романовская – доктор юридических наук, профессор.
О. И. Цыбулевская – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.
Е. Н. Чекушкина – доктор философских наук.

Information about authors:

- A. P. Albov – Doctor of Law, Professor.
I. S. Barzilova – Doctor of Law.
I. V. Dvoryanskov – Doctor of Law, Professor.
T. V. Milusheva – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of the Education Sphere of the Russian Federation.
V. Yu. Panchenko – Doctor of Law.
O. V. Romanovskaya – Doctor of Law, Professor.
O. I. Tsybulevskaya – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.
E. N. Chekushkina – Doctor of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 12.09.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 09.12.2024.